

Завьялова Екатерина Владимировна

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН К ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье рассматриваются особенности отношения крестьянства Смоленской губернии к царской власти во второй половине XIX века. Привлечение архивных материалов выявляет многообразие оценок и суждений, сосуществовавших в крестьянской среде в данное время. Приводятся документальные свидетельства того, что отношение как к институту самодержавия в целом, так и к личности монарха в указанный период можно характеризовать как неоднозначное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 83-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).081

В статье рассматриваются особенности отношения крестьянства Смоленской губернии к царской власти во второй половине XIX века. Привлечение архивных материалов выявляет многообразие оценок и суждений, сосуществовавших в крестьянской среде в данное время. Приводятся документальные свидетельства того, что отношение как к институту самодержавия в целом, так и к личности монарха в указанный период можно характеризовать как неоднозначное.

Ключевые слова и фразы: легитимность; самодержавие; монарх; крестьянство; политическая полиция; политические преступления; покушения; власть; общество.

Екатерина Владимировна Завьялова

*Кафедра философии, теории культуры и социологии
Смоленский государственный институт искусств
furmos.82@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН К ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)[©]

Отношения народа и власти – одна из ключевых проблем истории. Развитие этих отношений в России привело в начале XX века к ликвидации самодержавия и последовавшими за этим событиями, после которых вся российская история оказалась поделенной на два хронологически весьма неравноценных периода: дореволюционный и постреволюционный. Оценки этих периодов, как и самих революционных событий, оказавших влияние на всю новейшую историю, до сегодняшнего дня неоднозначны и часто противоречивы. Эти противоречия в значительной мере обусловлены различиями в трактовке истоков и причин революции, роли и места в этом процессе различных слоев российского общества. Изучение этих проблем остается актуальной задачей исторической науки.

Целью данной статьи является рассмотрение отношения крестьян к царской власти, складывающегося во второй половине XIX века (источником исследования послужили архивные материалы Смоленской губернии).

Отношение к царю как «помазаннику Божия на земле» пришло на Русь из Византии и было воспринято как один из незыблемых постулатов христианства. Такое отношение было особенно характерно для крестьян как основных хранителей христианских ценностей. И в документах изучаемого периода мы находим многочисленные подтверждения такого отношения крестьян к своему монарху и его деятельности.

Например, восторженное одобрение политики правительства и благодарность императору прозвучали в поздравительных «адресах», отправленных крестьянами Смоленской губернии в 1863 году на имя императора в связи с подавлением польского восстания и дарованием свободы от крепостного права. Так, временнообязанные крестьяне Дорогобужского уезда составили адрес «с выражением верноподданнических чувств беспредельной преданности и благодарности Государю императору за дарованную им новую жизнь, а также готовность их, по первому Его Царскому слову стать дружно и поголовно на защиту родной Руси и Веры православной, против врагов Отечества и тем доказать, что слово любимого Царя для них – закон!» [7, д. 507, л. 22].

Временнообязанные крестьяне Вяземского уезда, собравшись на волостной сход, составили «на Высочайшее Имя письмо», в котором были такие слова: «Ваше Императорское Величество! Отец и Освободитель! Говорят, что поляки, сражаясь с нами, призывают еще на нас и другие Государства для того, чтобы отбить у нашей родной России ся достояние. Государь Отец наш и Освободитель, Враги наши забыли, что обширное Русское Царство Вашего императорского величества создано не чужими руками, а самим народом русским, и неужели они думают, что этот самый народ переродился и не в силах уже отстоять русской родной земли нашей, освященной кровию отцов наших! Посему же мы Великий, Обожаемый Государь и Освободитель, идем за тебя и Россию, поголовно, – и все имущество наше повергаем Державным стопам твоим» [Там же, л. 27].

При чтении этих «адресов» создается впечатление единодушной поддержки крестьянами правительственного курса, хотя – подчеркнем – это было уже не всегда так. Кроме того, есть серьезные причины думать, что указанные «положения» чаще составлялись по инициативе губернских властей (а те, в свою очередь, получали соответствующие указания из Министерства внутренних дел). Обращает на себя внимание и тот факт, что по содержанию «адреса» весьма схожи.

К середине XIX века в общественно-политической жизни России на первый план вышли следующие жизненно важные для страны вопросы: о существовании крепостного права, о необходимости сохранения или изменения политической системы страны и, наконец, о легитимности самодержавной власти. Остроту этих проблем понимали и власти, и общественность, правда, все чаще и чаще мнения их расходились.

На протяжении многих веков сама мысль о «незаконности» царской власти являлась абсолютно неприемлемой для понимания россиян, а «любой импульс в этом направлении, – как отмечает историк А. Н. Боханов, – сразу же поднимал проблему неприкосновенности религиозного Авторитета, не подлежащего реформированию» [2, с. 63]. Однако время шло и постепенно в сознании некоторых подданных, как правило,

людей весьма образованных, стала выкристаллизовываться мысль как о несправедливости устройства системы власти в России, так и о пагубности последствий дальнейшего существования в ней монархии.

Разумеется, появление в обществе таких настроений не могло не обеспокоить власти, которые незамедлительно предприняли «соответствующие контрмеры», в ряду которых было создание в 1826 году Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии. Одним из видов политических преступлений, фиксируемых этим учреждением, стало «произнесение разными лицами дерзких и оскорбительных слов против Священной Особы Его Императорского Величества».

В николаевскую эпоху никто не мог себе позволить вслух «высказаться» против императора. В правление же Александра II, особенно в пореформенный период, количество подобных преступлений росло из года в год. На местах подобные преступления фиксировались и расследовались губернскими жандармскими управлениями. Со временем в картотеке Третьего Отделения эти дела были выделены в отдельный раздел.

При чтении таких документов обращает на себя внимание то, что в сравнении с прежним периодом, изменился социальный состав «вольнодумцев». Если ранее подобное могло быть ожидаемо в среде дворян, разночинцев, студентчества, увлекавшихся идеями социализма или нигилизма, а также поляков, борющихся за независимость Царства Польского от Российской империи, то в пореформенный период «высказываться» против императора и властей стали мещане, солдаты, купцы, священнослужители и даже крестьяне. Причем наблюдается это по всей стране, в том числе и в Смоленской губернии.

Обеспокоенность властей подобными фактами была подчеркнута в одном из отчетов о действиях Третьего Отделения и корпуса жандармов за 1866 год (подобные отчеты подавались лично императору ежегодно с 1827 года). В данном отчете указывалось, что «статистика подобных преступлений растет – в 1866 они увеличились по сравнению с 1865 годом в 3 раза, а по сравнению с 1860 – в 10 раз» [6, д. 31, л. 6]. Кроме «невежества, грубости нравов и нетрезвого состояния – условий, при которых большая часть подобных преступлений обыкновенно совершалась лицами низшего класса», – существовали ещё другие причины, «производящие эти прискорбные явления, и притом в среде более утончённой» [Там же, л. 7]

По мнению автора этого документа, главнейшая причина появления подобных настроений заключалась «в тех разрушительных учениях и безграничном вольнодумстве, которые существовали и иногда терпелись под влиянием поветрия предыдущих годов и которые преимущественно были направлены пропагандистами против низшего сословия с той целью, чтобы чрез преступные свои мысли и речи внушить ему неуважение к Монарху и затем приобрести в этой среде орудие для дальнейшей преступной своей деятельности» [Там же]. И далее следует вполне обоснованный вывод о том, что «увеличению числа подобных дел в последнее время, без сомнения, содействовали и политические обстоятельства, последовавшие в период времени 1861-1866 гг. и придавшие этим преступлениям особого рода форму и характер» [Там же]. В частности лица, «обвинявшиеся в оных, высказывались преступно о свободе, не допускавшей их своеволия, и о Монархе, даровавшем им безграничные политические права; также печальные результаты имело польское восстание; наконец, в 1866 г. исходом разных оскорблений Величества послужило злодейское покушение (на Александра II – Е. 3.) 4 апреля» [Там же, л. 8].

В политической жизни России назревали крупные потрясения, одним из которых стало первое покушение на Александра II, совершенное 4 апреля 1866 года. Преступника быстро схватили. Им оказался Дмитрий Каракозов, бывший студент Московского университета, состоявший членом подпольной группы «Организация», возглавляемой Н. Ишутиным [14, с. 252], но идея физического уничтожения монарха, как первоисточника всех бед в России, стала очень популярной в кругах революционной молодежи, в результате чего император Александра II остался в истории не только как царь-реформатор, но и как монарх, на которого была начата самая настоящая «охота»: как известно, он пережил шесть покушений и в результате седьмого был убит.

Исследователь проблемы власти А. Н. Боханов в монографии «Самодержавие. Идея царской власти» указывает, что «своеобразным психологическим рубежом», когда «преступление – царубийство – как бы переставало осознаваться страшным христианским грехом» стало убийство Павла I. После этого подобное явление «воспринималось немалым числом людей как политическое благодеяние» [2, с. 65].

Число фиксируемых негативных высказываний в адрес монарха росло. В то же время после выяснения всех обстоятельств обнаруживалось, что лица, позволившие себе нелестно отозваться об императоре, часто произносили это в гневе или непреднамеренно.

Реакция российского общества на покушение не была однозначной. Для очень многих попытка убить царя явилась большим потрясением, но, помимо сочувствия и возмущения, «имели место быть» и другие мнения, которые свидетельствовали о том, что весть о покушении на царя уже не вызвала даже в крестьянской среде шока и удивления. Так, крестьянин Писковской волости Сычевского уезда Ануфрий Зуев в январе 1870 года, будучи недовольным решением волостного суда, в порыве гнева воскликнул: «Я вас знать не хочу, какие вы мне судьи! Я самого Царя убить могу!» (выделено мной – Е. 3.). За это упомянутым судом был немедленно приговорен «к наказанию девятнадцатью ударами розгами» [8, д. 171, л. 1 – 1 об., 6 – 9 об., 14].

Теперь любая информация, касающаяся покушений на царя или высокопоставленных сановников, привлекала внимание властей, ее рассматривали, как первоочередную, а значит, так можно было привлечь внимание к своим просьбам. О таком случае 7 ноября 1871 года Санкт-Петербургский обер-полицейский секретно сообщил смоленскому губернатору. 19 октября 1871 года к нему в канцелярию был доставлен крестьянин Смоленской губернии Вяземского уезда Жилинской волости деревни Рождество Иван Семенов, 25 лет. Крестьянин, «по объяснению его, прибыл в Царское Село всеподданнейше донести Его Императорскому

Величеству Государю Наследнику Цесаревичу какие-то секретные сведения, касающиеся заговора, составленного будто бы против царствующего дома». Крестьянин был срочно доставлен в Третье Отделение Собственной Его Императорской канцелярии, где ему заявили, что «Государю Наследнику Цесаревичу негодно принять его» и «предложили» рассказать те сведения, которые он собирался передать Цесаревичу. Семенов отказался «от объяснений по сему делу» и со временем был выслан на родину, в Смоленскую губернию.

Однако уже в феврале 1872 года тот же Иван Семенов «во время прогулки Государя Императора по Дворцовой набережной подошел к Его Величеству с бумагами в руках и заявил, что имеет секрет о посягательстве на Священную особу Его Величества». Третье Отделение, отобрав бумаги, выяснило, что «секрет» заключался в просьбе Семенова за односельчанина Евдокима Козлова, находящегося в тюрьме. Его «как самовольно отлучившегося с Родины без паспорта, арестовали», позже вновь выслали на родину, с распоряжением «о пресечении Семенову возможности на будущее время возвращаться в Санкт-Петербург» [Там же, д. 272, л. 1-5].

Порой в сознании лиц из простонародья факты о покушении на высокопоставленных особ причудливо переплетались с проблемами частного характера. Вот любопытный разговор, состоявшийся в апреле 1879 года в трактире деревни Горки Можайского уезда между крестьянином Гжатского уезда Смоленской губернии Лукьяном Смирновым и писарем Главного Артиллерийского управления Никитой Киселевым. На вопрос: «Что там нового?» – последний ответил, что «ничего, слава Богу, благополучно», на что Смирнов заявил: «Значит, вы ничего не знаете! В Петербурге одного шефа убили, в другого стреляли, открыли тайные типографии...». И далее Смирнов объяснил причины этих событий тем, что «правительство не занимается делом, облагает большими пошлинами купцов, на все документы заставляет прикладывать марки, на железных дорогах повышает тариф, так что купцам остается только отдавать свои деньги на проценты. *Все это произведет беспорядки, и всегда будут стрелять в Начальство, и нужно ожидать, что в скором времени будут стрелять в Государя императора, а когда Государя убьют (выделено мной – Е. З.), то в Москве будет бунт, который не так легко будет унять*». После этой беседы, крестьянин Смирнов был арестован и по предписанию Московского генерал-губернатора отправлен в тюрьму на 6 месяцев. После окончания срока за ним был учрежден надзор полиции [4, д. 11, ч. 190, л. 1-7].

Были ли эти высказывания и случайные реплики, прозвучавшие в «питейных домах», на судебных заседаниях и сельских сходах, опасны для существующего строя? Разумеется, нет. Но факт остаётся фактом – они звучали и были рождены событиями, вызвавшими в российском обществе большой резонанс.

Постепенно состав преступлений о «произнесении разными лицами дерзких и оскорбительных слов против Священной Особы Его Императорского Величества» стал меняться. Жандармы стали замечать, что в брошенных «бранных словах» звучат нотки «революционной пропаганды», а значит, произносились они уже совсем с другим смыслом. Например, в декабре 1874 года Смоленскому губернатору пришел рапорт от Гжатского уездного исправника, в котором сообщалось, что крестьянин деревни Гранки Омучитской волости Прокофий Ларионов «распускает между крестьянами разные нелепые толки». Он «толковал крестьянам, что Бога признавать не следует, так как Его нет и не было никогда, и что все наши правительственные учреждения неправильные» [8, д. 154, л. 3 – 3 об.]. Расследование показало, что Ларионов уходил на летние заработки в Москву, работая плотником. Там с ним познакомилась студентка Петровско-Разумовской Земледельческой Академии, которые «вели с ним разные рассуждения», суть которых Ларионов передал односельчанам по возвращении домой [Там же, л. 7-9].

Указанное происшествие можно было рассматривать как единичное, однако, 11 июня 1879 года на рассмотрение Начальника Смоленского губернского жандармского управления попало «особо секретное дело» о «произнесении дерзких слов против Особы Государя императора». Как сообщал Сычевский уездный исправник, высказывать «оскорбительные слова» против императора, «распространять ложные слухи антиправительственного содержания» дозволил себе крестьянин Сычевского уезда Лазарь Иванов. Как выяснилось, последний летом жил на родине, а зимой работал в Санкт-Петербурге на полотняной фабрике Ламздорфа. По предписанию Третьего Отделения, Иванов, «как человек, признаваемый опасным в среде своих односельцев», был заключен в тюрьму, а позже выслан «под надзор полиции» в Архангельскую губернию [4, д. 11, ч. 597, л. 1-11].

Такое же решение было принято в отношении еще одного уроженца Смоленской губернии, о котором 2 апреля 1880 года Третье Отделение получило сообщение, что «служащий на Либано-Роменской железной дороге крестьянин Дорогобужского уезда слесарь Василий Букин в портерной лавке в г. Гомеле позволил себе произнести оскорбительные выражения против Священной особы Государя императора» [5, д. 11, ч. 470, л. 1-3].

Как уже упоминалось, после шести неудачных покушений на императора народовольцы стали готовить новое. Одним из его организаторов был рабочий Тимофей Михайлов – уроженец Смоленской губернии. Анализ выявленных архивных материалов позволяет сделать вывод, что это имя было известно не только жандармам, но и в крестьянской среде. Так, два крестьянина Шоптовской волости Бельского уезда в разговоре о вступлении на престол Николая II вспоминали об убийстве Александра II народовольцами, упомянув при этом *Тимофея Михайлова* – уроженца Сычѣвского уезда. Более того, крестьяне предположили, что «новый царь окончит жизнь в Ерусалиме», намекая тем самым на то, что и новому царю не царствовать благополучно [3, с. 239]. Другой подобный пример: в Успенской волости Вяземского уезда крестьянин Ерофей Андреев накануне коронации Николая II говорил, что в двух московских соборах «приготовлены свечи с динамитом, которые при зажигании и взорвѣт» [Там же, с. 240].

И тем не менее, ситуация не была столь однозначной: вера в «царя-батюшку» – «народного защитника» – в крестьянской среде все ещё была сильна. Подтверждением сказанного являлся следующий факт:

11 марта 1881 года к смоленскому губернатору обратился гжатский уездный исправник, который ходатайствовал об удовлетворении просьбы крестьян уезда «соорудить в память славного и благодетельного царствования покойного Государя Императора Александра Николаевича часовню в городе Гжатске». При этом исправник предоставил «записку» самих указанных крестьян, гласившую следующее: «...проникнутые неизъяснимым чувством глубокой признательности к почившему в Бозе Царю Освободителю нашему Государю Императору Александру Николаевичу за беспредельные об нас Его заботы, плодом которых настоящая наша свободная, наравне со всеми верно поданными гражданами, жизнь, мы просители имеем непреодолимое желание, соорудить в память Освободителя нашего ...Государя Императора Александра Николаевича часовню в городе Гжатске, чтобы и потомки наши могли видимо созерцать столь великия благодеяния Царя Русского, излитые к своему народу...». Разрешение на сооружение памятника крестьянам было дано [9, д. 133, л. 1-3, 15].

После убийства Александра II к власти пришел его сын Александр III. Историкам известна только одна попытка покушения на него [12, с. 144-145], после чего, можно сказать, эпоха покушений на «царствующих особ» в России завершилась.

Изучая общественное мнение страны, власти пришли к выводу, что к началу XX века дворянство, как и крестьянство, уже не являлось как прежде незаменимой опорой самодержавия. И если отношения между дворянским сословием и царской властью никогда нельзя было назвать однозначными: от горячей поддержки до острой конфронтации даже неприятия друг друга, то вот в традиционно высоком уровне поддержки самодержавия в среде крестьянства никто не сомневался. В связи с этим историк Б. Н. Миронов отмечает: «...лишь в пореформенное время народный монархизм стал постепенно слабеть» [13, с. 221]. Хотя, как и прежде, вплоть до революции 1905-1907 гг. именно с царем связывалась мечта большинства крестьян об изъятии помещичьей земли в их пользу.

Вопрос о трансформации взглядов крестьян на легитимность царской власти до сих пор остается спорным: в чем разочарования было больше: в личности монарха или в институте монархии. Но сам факт, что убийство царя частью общества более не рассматривалось как страшное преступление (иногда даже звучали голоса одобрения действий революционеров), говорило о пошатнувшейся легитимности самодержавия в России.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** «Царь–Батюшка» и «Народ–Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. СПб., 2004. Вып. 2. С. 24-28.
2. **Боханов А. Н.** Самодержавие. Идея царской власти. М.: ТИД «Русское слово – РС», 2002.
3. **Будаев Д. И.** История крестьянства Западного региона России 1861-1917 годов. Калуга, 1993.
4. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 109. Оп. 54.
5. **ГАРФ.** Ф. 109. Оп. 55.
6. **ГАРФ.** Ф. 109. Оп. 223.
7. **Государственный архив Смоленской области (ГАСО).** Ф. 1. Оп. 4.
8. **ГАСО.** Ф. 1. Оп. 5.
9. **ГАСО.** Ф. 1. Оп. 8.
10. **Есиков С. А., Слезин А. А., Двухжилова И. В.** История России: век XIX. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 192 с.
11. **Красняков Н. И.** Эволюция имперской функциональности механизма российского государства (XVIII – первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 82-86.
12. **Литвинов Н., Литвинова А.** Антигосударственный террор в Российской империи // Новый мир. 2003. № 11.
13. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи XVIII-XX вв. Генезис личности, демократии, семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб., 2003.
14. **Симбирцев И.** III Отделение: первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи 1826-1880 гг. М.: Центрполиграф, 2006.

THE FEATURES OF PEASANTRY ATTITUDE TO REIGN IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY (BY THE MATERIALS OF SMOLENSK PROVINCE)

Ekaterina Vladimirovna Zav'yalova

Department of Philosophy, Culture Theory and Sociology

Smolensk State University of Arts

furmos.82@mail.ru

The author considers the features of peasantry attitude to reign within Smolensk province in the second half of the XIXth century, by archival materials reveals the variety of opinions and judgments which coexisted among peasantry at that time and provides documentary evidence that the attitude to both the institution of monarchy in general and to the personality of monarch at that period can be characterized as ambiguous.

Key words and phrases: legitimacy; monarchy; monarch; peasantry; political police; political crimes; assassination; authorities; society.